

A decorative black border with intricate floral and scrollwork patterns frames the entire text area.

ХАНИНА
ХАУЭЛЛ

*Только
для тебя*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х26

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Hannah Howell
ONLY FOR YOU

Перевод с английского *Н.И. Кролик*
Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*
В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хауэлл, Ханна.
Х26 Только для тебя : [роман] / Ханна Хауэлл ; [перевод с английского Н. И. Кролик]. — Москва : АСТ, 2020. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-121462-3

Золотоволосая Саксан Хани Тодд, переодетая юношей, пускается в долгий и трудный путь через всю Англию, чтобы отомстить человеку, которого называют убийцей ее брата, — Ботолфу, графу Регенфорду. Однако не смертельного врага находит юная Саксан в суровом рыцаре, а страстного возлюбленного и верного супруга, человека, ради которого она, не колеблясь, пройдет сквозь смертельные опасности и бесконечные лишения...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121462-3

© Hannah Howell, 2007
© Перевод. Н.И. Кролик, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Северная Англия, 1319 год

Саксан Хани Тодд разбудил собственный крик. Она резко села на постели; ее била дрожь. Холодный воздух спальни быстро высушил ночную сорочку, пропитавшуюся потом. Страх сдавил горло: перед глазами все еще стояла картина, заставившая ее проснуться. Саксан снова легла, свернувшись калачиком под одеялом, и постаралась успокоиться.

Однако чувство, что она явственно видела будущую гибель своего брата-близнеца Питни, не проходило. Образ его убийцы был настолько ярок, словно он стоял у изголовья ее кровати: кровь мальчика медленно капала с его рук, и на губах блуждала ликующая улыбка. Казалось, она никогда не забудет это смуглое красивое лицо, которое почти не портил маленький шрам под левой бровью, и черные глаза, холодные, как могила.

— Это всего лишь сон, — прошептала она, зарываясь в подушки и силясь прогнать образ страшного человека.

В конце концов Саксан смирилась с тем, что после ночного кошмара уже не сможет заснуть. Вздохнув, она легла на спину и уставилась в потолок. Страх почти прошел, но в сердце прочно поселилась тревога.

— Я молю Бога, чтобы ты был жив и здоров, Питни, — произнесла Саксан вслух, заламывая руки. — Но если этот сон — предчувствие, а не просто виде-

ние, рожденное беспокойством о тебе, твой дух обретет покой. Клянусь всеми Тоддами, ушедшими из жизни, что, если тебя убили, твой убийца не проживет и года. Я сама вырву черное сердце негодяя из его груди.

На холодном весеннем ветру шелестели знамена. Ботолф Корвайн Лавингтон выругался про себя, откидывая непослушную прядь иссиня-черных волос. Его хмурый взгляд не отрывался от толпы собравшихся. Около каждого шатра были выставлены рыцарские щиты и штандарты, но ни один из них не был тем, который он искал. Это его не удивляло: его враг действовал все более осторожно. Граф Кейндаль и его гости начали искать места на трибунах, откуда они могли бы следить за рыцарским турниром. Дамы смеялись, флиртовали и награждали своих избранников подарками, которые те должны были иметь при себе в рукопашной схватке. Ботолф знал, что скоро и ему придется принять участие в турнире.

Он стоял перед шатром и, прищурившись, наблюдал за происходящим. По приказу Ботолфа его вассалы и близкие друзья сэр Роджер Вейн и сэр Весли Десрогес также пристально следили за фланирующей оживленной толпой. Где-то среди ярко разодетых зрителей был человек, замысливший убийство. Ботолф знал, что убийце на руку веселая суматоха праздника.

— Будь осторожен, Ботолф.

Обернувшись, он улыбнулся своей матери, миниатюрной леди Мери:

— Буду. Я всегда осторожен. Пойди, найди себе место, мама. Не бойся за меня.

Леди Мери вздохнула:

— Неужели мужчины никогда не изменятся? На твою жизнь трижды покушались, а ты советуешь мне не волноваться.

— И трижды попытки оканчивались неудачей.

— Да, но в последний раз твоя жизнь висела на волоске. Эта опасность, исходящая от неизвестного...

— Мы оба знаем, кто хочет видеть меня мертвым. — Ботолф осекся, заметив, как побледнела мать.

— Я не могу в это поверить, — проговорила она слабым голосом. — Сэсил — твой брат.

— Сводный брат.

— У вас одна кровь, кровь вашего отца.

— У нас также один день, месяц, год, час и даже момент рождения. Но это не имеет значения. Нам обоим известно, что Сэсил преследует меня. — Он погладил мать по щеке, еще не тронутой морщинами. — Иди. Смотри представление. Со мной ничего не случится. Давай не будем больше об этом говорить. Это причиняет тебе боль.

— Она не хочет признавать правды, — тихо сказал сэр Роджер, когда леди Мери ушла. Взгляд его голубых глаз был полон симпатии к этой женщине.

— И неудивительно. Это слишком горькая правда. Она держала Сэсила у своей груди, относилась к нему как к собственному сыну. Для нее он вроде Каина, убивающего Авеля.

— Да. Его жизнь устроена куда лучше, чем у многих других, но ему и этого мало.

— Так часто бывает. Послушай, кто этот мальчик?

Ботолф улыбнулся юноше, которого другой вассал, сэр Талбот Ив, подвел к ним.

— Питни Тодд, милорд, — ответил Талбот. — Ваш оруженосец Фаролд повредил лодыжку, и некоторое время не сможет выполнять свои обязанности. Питни заменит его.

— Сколько тебе лет, Питни? — спросил Ботолф, не в силах отвести глаз от волос мальчика: платиново-светлых, почти белых.

— Восемнадцать, милорд.

— Ты с севера?

— Да, милорд. Сэр Чад Брейнард, смотритель вашего замка в Регенфорде, прислал меня сюда на прошлой неделе. У него достаточно пажей, и он решил, что я буду здесь нужнее, если сумею быть вам полезен, милорд. Я прошел хорошую подготовку.

Это было сказано с таким пылом, что Ботолф не мог не поддержать его.

— Иначе и быть не может, если сэр Чад готовил тебя. Сколько же у него мальчиков?

— По последним подсчетам, семнадцать, милорд.

— Мой бог! Он что, хочет вырастить целую армию?

— Но это не только его дети, милорд. У вас служат двое его сыновей. Сэр Чад готовит четырех Киппсов из Рикадина, трех Бинксов из Апвода, трех Джагерсов — моих кузенов из Волфхилла, двух Кирклизов, двух Рованзов, двух Вергезов и одного Торанца. Сэра Брейнарда очень ценят как воспитателя, милорд.

— Похоже, что так. — Ботолф подмигнул Роджеру, а Питни добавил:

— На границе всегда нужны подготовленные люди, чтобы шотландцы не могли застать нас врасплох.

Мужчины рассмеялись, и Ботолф послал мальчика подготовить оружие к турниру. Он уже и не помнил, когда с таким нетерпением ждал начала турнира, и был полон радости жизни, как молодой оруженосец. Хотя ему было только двадцать семь лет, Ботолф временами чувствовал себя вдвое старше. В глубине души он страстно желал мира, но, как только празднества в Кейндале закончатся, ему придется вернуться в Регенфорд. Пора было приступить к своим обязанностям лорда-управляющего пограничным районом между Англией и Шотландией. Там мира ему не найти. Хотя Ботолф знал, что слишком долгое перемирие может

плохо сказаться на его физическом состоянии, он жаждал вкусить преимуществ этого перемирия.

— Черт возьми, откуда у мальчишки такие волосы? — воскликнул сэр Роджер, как только Питни отошел.

— Так ведь род Тоддов саксонского происхождения, — ответил сэр Талбот. — Их предок был одним из немногих, кто сумел отстоять свою землю после завоевания. Правда, он был небогат, да и земля невелика. Он остался независимым, в то время как все вокруг него сделались вассалами Вильгельма Завоевателя. Если бы барон Алхрик был похож на своего предка, мастерство в сражениях и незаурядное вероломство позволили бы ему остаться в живых.

— А что с ним случилось?

— Умер, милорд. Он погиб в последней битве вашего отца за земли в Регенфорде. Как гласит молва, барона нашли под десятком мертвых шотландцев, и он все еще сжимал свой меч.

— Этот парнишка выглядит слишком хрупким для такого воинственного клана.

— Лорд Алхрик был светловолосым и худым, но я бы хорошенько подумал, прежде чем решиться скрестить с ним свой меч. Брейнард говорит, что мальчик похож на лорда.

Их беседу прервало появление пажа. Ботолф нахмурился, когда тот протянул ему искусно вышитую ткань. Это была накидка леди Оделлы Алансон, подаренная ему в качестве знака расположения. Ботолф с неохотой взял ее, передав женщине приличествующие слова благодарности. Иначе он поступить не мог — это было бы расценено как оскорбление.

— Прекрасная роза, — пробормотал сэр Роджер.

— Да. Красивая, воспитанная и одна из фавориток моей матери.

Ровный и холодный тон Ботолфа означал, что его вассалам следует воздержаться от дальнейших замечаний относительно прекрасной Оделлы. Леди Мери и даже король хотели, чтобы Ботолф снова женился, но мать не осмеливалась слишком давить на него, да и король пока не проявлял своей власти. Это вполне устраивало Ботолфа, он не спешил снова связывать себя брачными узами, так что в обозримом будущем появления наследника графства Регенфорд ожидать не приходилось.

Ботолфу не потребовалось много времени, дабы убедиться, что Питни — блестящий оруженосец. Молодой человек, казалось, предвосхищал каждое его движение и приказание. Ботолф поймал себя на мысли, что хотел бы видеть Питни своим постоянным оруженосцем вместо Фаролда, с которым то и дело что-нибудь случалось. Но потом почувствовал укол совести. Фаролд был младшим сыном его кузена и выполнял обязанности оруженосца в меру своих способностей. Не его вина, что эти способности оставляли желать лучшего. Вздыхнув с сожалением, Ботолф надел последние доспехи и направился к арене, надеясь, что по возвращении Фаролда сможет встретить его с подобающей благосклонностью.

Ботолф ушел с ристалища быстрой и уверенной походкой под восторженные крики одобрения его мастерства. Он уже собирался приветствовать доброй улыбкой молодого Питни, но того не было видно. Зато Ботолфа ждала горячая ванна. Усталый и грязный, он с удовольствием погрузился в ласковую воду и только тогда вспомнил, что среди его вещей не было такой роскоши, как корыто. Обернувшись в поисках Питни, он обнаружил, что того все еще нет поблизости, и заметил про себя, как хорошо этот юноша владеет искусством вовремя исчезнуть. Тихонько рассмеявшись, Ботолф принялся скрести себя, смывая пыль и пот после рыцарского турнира.

Дальнейшее еще больше развеселило его. Ботолф услышал, как негодует один из его недавних противников, сэр Вальтер Трэпп: «Какой негодяй украл мое корыто? Послушай, парень, куда ты несешь эту воду?»

— Воду, сэр? — переспросил Питни с фальшивой невинностью в голосе.

— Да, эту воду.

— Моему лорду Ботолфу, чтобы он мог смыть пыль, поднявшуюся, когда он сбросил вас с коня.

— Наглец! — прогремел сэр Вальтер. — Ну-ка пойдем посмотрим, что он там делает.

— Сэр, — воскликнул Питни в праведном гневе, — вы обвиняете благородного барона Мирвуда, графа Регенфорда и храброго защитника наших северных границ лорда Ботолфа Лавингтона в том, что он обыкновенный вор?!

— Конечно, нет, — смешался сэр Вальтер.

Ботолф услышал взрыв хохота. Он получил не меньше удовольствия от этой перепалки, чем те, кто наблюдал за ней. Не смывая мыло с волос, он стал прислушиваться к словесной дуэли, происходившей перед его шатром. Ботолф не сомневался, что несколько туповатый Вальтер станет в этом споре жертвой остроумного Питни.

Он усмехнулся, услышав, как Вальтер отчаянно старается оправдаться. О мытье он позабыл. Мыльная пена медленно стекала по лицу. Ботолф рассеянно смахивал ее, чертыхаясь, когда она попадала в глаза. В конце концов он потянулся за полотенцем, принесенным заботливым Питни.

Внезапно чья-то рука мертвой хваткой обвилась вокруг его шеи. Ботолф крепко выругался. Голый, в пене, застилавшей ему глаза, он понимал, что является легкой добычей для убийцы, который сумел пробраться мимо стражи в шатер. Его крик о помощи был заглушен рукой в перчатке, крепко зажавшей рот.

Ботолф напряг мускулы, яростно стараясь сбросить непрошеного гостя. С губ убийцы сорвалось проклятие, когда нож, вместо того чтобы пронзить сердце Ботолфа, вонзился ему в плечо.

Протерев глаза, Ботолф заметил, что убийца снова поднял кинжал, намереваясь успеть ударить еще раз, прежде чем Ботолф сумеет вывернуться. Граф видел, что не сможет остановить выпад, и ощутил холодное дыхание смерти.

— Убийца! — внезапно услышал Ботолф крик нового оруженосца и почувствовал, как железная хватка на его шее тут же ослабла. Пытаясь подняться на ноги, несмотря на слабость, Ботолф увидел, как Питни бросился на ошеломленного злодея. Юноша, не колеблясь, вступил в схватку, хотя противник был вдвое выше него. Сэр Вальтер, сэр Роджер и сэр Весли ворвались в шатер и усталились на странную пару сцепившихся на полу людей: худенького юношу и взрослого верзилу.

Сэр Роджер помог Ботолфу вылезти из корыта. Два других рыцаря встали возле дерущихся, приготовившись вмешаться в борьбу, как только представится возможность. Они опасались лишь причинить вред юному оруженосцу. Ботолф поспешил одеться и схватить свой меч, чтобы присоединиться к остальным.

Спустя мгновение все же возможность помочь юноше появилась, но какой ценой! Зная, что он попался и ему не миновать смерти, убийца явно хотел уйти из жизни не в одиночку. Прежде чем Ботолф или кто-то другой смогли помешать этому, он вонзил свой нож в грудь Питни. Лишь когда он снова занес кинжал, сэр Вальтер взмахом меча наотмашь снес голову с плеч незваному гостю.

— Не нужно было этого делать, — вздохнул Ботолф. В его голосе слышались недовольство и разочарование.

— Этот человек пытался вас убить, — возразил Вальтер. — Он убил мальчика.

— Не может быть! — вскричал Ботолф. Тут он заметил, что у входа собралась толпа зевак. — Опустите полог шатра, — приказал он Роджеру.

Люди начали расходиться. Было слышно, как они объясняют друг другу, что кто-то пытался убить лорда Лавингтона, а его храбрый оруженосец Питни отдал свою жизнь, чтобы спасти хозяина. Ботолф выругался, но опровергать эти сплетни было некогда. Он только помолился о том, чтобы родственникам юноши не было причинено горе ложным сообщением о его смерти, и обратил все свое внимание на Питни. Объявить, что его оруженосец жив, можно и позднее, как только представится возможность.

Быстро подойдя к юноше, Ботолф опустился на колени возле его стройного молодого тела. Когда он нащупал пульс, мальчик открыл глаза. В их бархатистой глубине затаилась боль. Ботолф поймал себя на том, что восхищается их красотой.

— Я еще не умер, милорд, — хрипло прошептал юноша.

— И не умрешь, — выдохнул Ботолф, с помощью Роджера отчаянно пытаясь остановить обильное кровотечение из раны.

Питни слабо улыбнулся:

— Это успокаивает. Я не хочу вас обидеть, милорд, но если окажется, что вы ошиблись, верните мое тело в Вулфшед-Холл. Я должен быть похоронен рядом со своими предками. — Его улыбка превратилась в гримасу боли. — Немного травы и тугое пеленание — и я не буду слишком вонять.

— Замолчи.

— Как пожелаете, милорд, — прошептал Питни и впал в беспамятство.

— Что здесь случилось? — раздался голос у входа в палатку.

В шатер вошел взволнованный лорд Силингс, тучный граф Кейндал, но Ботолф едва взглянул на него. Он приказал Вальтеру и Весли рассказать о случившемся.

К ужасу Ботолфа, появилась и леди Мери. Она вздохнула с явным облегчением, убедившись, что он жив. Увидев обезглавленного убийцу, леди Мери побледнела, но не ушла. Быстрыми шагами подойдя к сыну, она сначала помогла ему забинтовать раны Питни, а затем занялась и его собственными. Ботолф был благодарен ей за спокойную и умелую помощь.

— Собирается дождь, — заметил лорд Силингс. — Влажность не будет способствовать заживлению ран мальчика. Я приготовлю ему комнату возле вашей, Ботолф. Юный Питни заслуживает наилучшего ухода за свою бескорыстную храбрость.

— Спасибо, Эдвард. — Ботолф поднялся, кончая одеваться. — Теперь он сэр Питни.

— Справедливо.

— А я прощаю вам мое корыто, — проворчал сэр Вальтер. — Маленький негодник убедил меня в том, что я задел вашу честь, Ботолф.

Роджер хмыкнул:

— Парнишка тебя совсем запутал, Вальтер.

— У него просто хорошо подвешен язык, вот и все. Как и у всей его проклятой семьи.

— Ты знаешь Тоддов? — спросил Ботолф, пока Роджер помогал ему в нудном завязывании всех шнурков.

— Ага, а также Джагеров и Хелдонов. Они все одинаковы. Кажутся ангелами, но им лучше не попадаться на язычок. Есть байка о том, как однажды барон Алхрик сидел у ворот крепости врага и убеждал его, что единственным разумным решением для него будет сдать хорошо укрепленную крепость и сотню вооруженных солдат ему и его шести рыцарям.

Вальтер покачал головой:

— Я не сомневаюсь в том, что это чистая правда.

— Как бы я хотела, чтобы мужчины воевали с помощью слов, а не мечей, — с горечью заметила леди Мери.

— Ну, мало найдется воинов, более искусных в сражениях, чем Тодды и их родственники. Даже женщины у них отлично дерутся. Жена Алхрика два месяца удерживала Вулфшед-Холл, который осадили шотландцы, пока муж со своими людьми смог вернуться и помочь ей. Но они несколько странные.

— Странные? Чем? — Ботолфа вдруг заинтересовали Тодды.

— Они везут тела своих родных издалека, чтобы похоронить в семейном склепе в Вулфшед-Холле. Их дед погиб в Крестовых походах, но был привезен домой в бочке из-под вина. Они все знают латынь и французский, но часто говорят по-английски, как их крепостные. Алхрик всегда повторял, что это язык наших предков, поэтому он будет говорить на своем родном языке. И добавлял, что когда-нибудь мы все будем на нем говорить.

— Все будем говорить по-английски? — рассмеялся Роджер. — Он что, думал, что мы все станем крестьянами?

— Нет. Он сказал, что мы все станем англичанами. Я не понимал этого человека, — проворчал Вальтер. — Вам больше не нужно корыто? — резко обратился он к Ботолфу.

Понимая, что сэру Вальтеру больше нечего сказать, Ботолф кивнул, невольно улыбнувшись, когда какой-то здоровый детина схватил корыто и унес. Роджер поднял Питни на руки и понес его к дому Кейндала. Ботолф на ходу приказал Весли задержаться и присмотреть за тем, как уберут его шатер и оружие. Жена лорда Эдварда поместила леди Мери в трехкомнатные апартаменты вместе с Ботолфом и раненым юношей. Ей было неловко, что она не может предоставить им большей площади, но леди Мери заверила ее, что они и не думали о роскоши.

Ботолф не мог оставаться с дамами: несмотря на свою рану и все случившееся, он должен был присутствовать на банкете.

Обилие еды и веселая компания не смогли отвлечь Ботолфа от мыслей о Питни. Он видел смерть во всех ее формах, видел, как она косила юных и невинных так же жестоко, как и старых грешников. Видел, как она наступала долго и мучительно или приходила неожиданно и быстро. И он мирился с этим, но теперь страстно, безумно желал, чтобы Питни выздоровел.

— Как себя чувствует маленький рыцарь? — спросила леди Оделла, прерывая тоскливую задумчивость, в которую впал Ботолф.

Тот выдавил из себя улыбку. Он знал, что леди Оделла не любит его, и подозревал, что ее внимание объясняется следующим: она считает его подходящим кандидатом в мужья. Он богат, знатен и влиятелен. Ботолф также понимал, что ее бы вполне устроило, если бы ему пришлось много времени проводить в Регенфорде, на варварском Севере, в то время как она сможет жить в более безопасном и цивилизованном Мирвуде.

Он знал, что многие мужчины были бы рады иметь жену, которую видели бы не слишком часто. Оделле было девятнадцать лет, и о ней ходили не очень лестные слухи. Дважды ее хотели выдать замуж, и каждый раз жених умирал накануне свадьбы. Ботолф не сомневался, что, попроси он руки девушки, его предложение с радостью будет принято, но пока колебался.

— Думаю, что он будет жить, — наконец ответил он.

— Со стороны мальчика было очень смело наброситься на убийцу, будучи невооруженным и намного меньше ростом. Но ведь Тодды славятся своей доблестью.

«Кажется, кроме меня, весь мир знает о Тоддах», — подумал Ботолф и спросил:

— Вы встречались с кем-нибудь из них?

— Только раз. На турнире. Лорд Алхрик выглядел как трубадур, как поэт. Он был светловолос и строен. И такими же были два его старших сына, Хантер и Рок. Но больше я запомнила не это, а то, как они вели себя на турнире. Их мастерство и дерзость, их почти дикая ярость и воинственность оказались неожиданными для большинства зрителей. Они завоевали почти все награды в этот день; а на вечернем банкете опять выглядели ангелами со светло-золотистыми волосами и подернутыми дымкой глазами, и пленили всех присутствующих приятным обхождением и обаянием. Это трудно объяснить.

— Вы очень хорошо объяснили, миледи. Будто в одном теле живут два человека: бесстрашный рыцарь в доспехах и робкий поэт. Что еще вы знаете о Тоддах?

— Не слишком много. У них большая семья, много детей, достигших юношеского возраста. Они кичатся своим саксонским происхождением. — Она рассмеялась своим звонким смехом, которым очень гордилась. — Так носиться со своим родом, берущим начало от побежденных саксов, довольно-таки странно.

К тому времени как Ботолф вернулся к себе, он уже убедился, что Тодды — клан, сочетающий в себе обаяние и безумство. В отличие от людей, ведущих свою родословную — если они вообще могли ее проследить — от Вильгельма Завоевателя, его близких родственников или знатных семейств во Франции, Тодды объявляли себя чистой воды саксами и признавали своим предком Осви, короля Нортумбрии и Берниции в 641 году. Выбирая женихов или невест для своих детей, они считали принадлежность к роду потерпевших поражение саксов столь же важной деталью, как и приданое. На их знаменах были изображены фигуры вставшего на дыбы черного жеребца и припавшего к земле волка, сжавшегося